

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

09.03.2021

Интеграционный «план ГОЭЛРО» для XXI века

№3 2021 Май/Июнь

DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-136-149

ТИГРАН САРКИСЯН

Заместитель председателя правления Евразийского банка развития, председатель коллегии Евразийской экономической комиссии (2016–2020), председатель правительства Республики Армения (2008–2014).

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС

Рассмотрение проблемы цифрового суверенитета, тем более в контексте интеграционного объединения, требует новаторского подхода, что продиктовано несколькими важными обстоятельствами.

Во-первых, сам термин «цифровой суверенитет» не является устоявшимся с точки зрения понятийного и категориального аппарата. Любая попытка дать ему определение будет носить субъективный характер и опираться на наш собственный опыт и даже на, как бы это странно ни звучало, ценностную систему.

Во-вторых, практически все классические определения суверенитета привязаны к географии и территориям, в рамках которых суверенитет реализуется. А цифровая реальность трансгранична по своей сути больше, чем любая иная сфера жизнедеятельности. Даже такие процессы, как международная торговля или финансовые операции, крепко связаны с национальными системами регулирования, международными договорами, заключёнными между субъектами международного права, а также с деятельностью международных организаций. Цифровая же реальность только вступает в эпоху регулирования, и пока не очевидно, что она в неё окончательно вступит, а не сохранит свою беспрецедентную независимость.

В-третьих, достаточно сложно перенести понятие цифрового суверенитета на наднациональный уровень. А сделать это необходимо, если мы говорим о

перспективах цифровой повестки Евразийского экономического союза (ЕАЭС), которая может стать одним из основных драйверов евразийской интеграции. Можно пойти ещё дальше, сказав, что без цифровой повестки евразийская интеграция окажется перед угрозой потери своих конкурентных преимуществ, так как полноценно реализовать четыре свободы интеграции – товаров, услуг, рабочей силы и капитала – без их цифровизации невозможно.

Прежде чем перейти к вопросу о цифровом суверенитете, обратимся к тому, что происходит в отношениях между государствами и влиятельными акторами цифровой экономики – транснациональными цифровыми корпорациями.

Что происходит в мире

Стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни на протяжении последнего десятилетия определило значительные изменения в характере и структуре производства и в торгово-экономических отношениях. Движение мира к новому технологическому устройству носит революционный характер, так как ведёт к вымиранию целых отраслей, появлению новых, при этом резко сокращаются транзакционные издержки в областях, прошедших оцифровку. Кроме того, за последние несколько лет движение это перешагнуло за черту, которая в начале появления цифрового тренда казалась и недоступной, и малозначимой.

Речь о сфере политики и государства, ещё несколько лет назад воспринимавшейся цифровыми гигантами в качестве архаики, которая если и соприкасалась с новой реальностью, то лишь своей регуляторной – не самой, надо сказать, притягательной – стороной. Само понятие «инновация» – как категория – не только рассматривалось в отрыве от государства и его институтов, но и противопоставлялось им в плане техник и методик функционирования и развития. А страны, где движущей силой инновационного развития выступали государства и государственные практики, например Китай, считались территориями ограниченного роста. Если посмотреть статьи в американской периодике десятилетней давности о компании «*Alibaba Group*», можно увидеть основной тренд оценки китайского инновационного гиганта: за ним стоит государство, поэтому гигант будет расти в пределах государства и в зонах его влияния, рост корпорации будет опираться на внутренний спрос и тому подобное. То есть, даже в том отрезке, где была видна положительная роль государства в поддержке инновационного проекта, его перспективы – именно из-за связанности с государством – воспринимались пессимистично. Это представление об отношениях государства и цифровизации, где главный политический институт и новый технологический тренд существуют и обязаны дальше существовать в параллельных реальностях, сохранялось достаточно долго.

Ломка тренда и стирание границ между цифрой и государством начались с «арабской весны», в «успехе» (пишем в кавычках, так как её последствия во многих смыслах катастрофические) которой цифровые платформы сыграли значительную роль.

Прежде всего, с точки зрения мобилизации и организации политического процесса в самом массовом – протестном – виде. Однако с учётом «западоцентризма» мирового сознания данный процесс воспринимался как вторичный, происходящий в странах не первого мира и не задающий тренд.

С точки зрения этого «мирового сознания», государство и практики цифровой реальности по-настоящему столкнулись в США в 2016 г. во время президентских выборов. Дональд Трамп и его команда грамотно оценили силу цифровых платформ для выявления целевых групп и работы с ними, что сыграло значительную роль в победе на выборах. Уже через четыре года оппоненты Трампа и находящиеся с ними в коалиции цифровые гиганты использовали те же технологии и инструменты для подавления самого президента. Блокирование аккаунтов последнего стало показательным примером вовлечения цифровых гигантов в политику, в сферу государства и власти. При этом транснациональные цифровые корпорации продемонстрировали силу и сплочённость, способную изменить политическую картину, расклад и логику политической культуры самой влиятельной страны, да и мира в целом.

Процесс стирания границ между государством, его суверенным функционалом и цифровой реальностью начался не только в США, но и в других странах. Европейский союз пошёл на открытое противостояние с американскими цифровыми корпорациями, стараясь защитить свой внутренний рынок и суверенитет от тотального доминирования американских корпораций. И если поначалу ЕС ограничивался поддержкой собственных компаний и экосистем, то в последний год встал на путь выстраивания очевидной системы ограничений: Европейская стратегия в области данных и проект закона о цифровых рынках 2020 г. служат примерами тому.

Практически везде ключевым сегментом конфликта государства и цифровых корпораций является сфера данных. Транснациональные корпорации США и Китая накапливают огромные массивы данных (иногда при активной государственной поддержке). При этом аналитика, создаваемая на основе этих данных и с активным использованием инструментов искусственного интеллекта, отличается от традиционной. Это *аналитика не о вероятном будущем, а о том, как это будущее формируется и как на него можно влиять*. Причина всех критических и ограничительных процессов вокруг цифровых гигантов – слушания в Конгрессе, расследования Европейской комиссии, недавний конфликт правительства Австралии с *Google* и *Facebook*, штрафы, ограничения, направленные на

сдерживание возможностей крупных транснациональных корпораций – заключается в одном:

BigTech благодаря концентрации данных и их анализу знает о будущем больше, чем любое правительство.

И это знание – беспрецедентно не только по объёму, но и значению. Ведь оно о том, где формируется максимальная добавочная стоимость, начинаются и кончаются цепочки поставок, каковы пути их оптимизации, как живут люди, что они потребляют и как меняется потребление, в какие отрасли и проекты надо направить инвестиции для получения больших сравнительных преимуществ и так далее. Это беспрецедентный инструментальный анализ и прогнозирования, аналога которому в истории человечества не было. *Основываясь на текущей экономической активности, он использует данные о базовых потребностях человека в рамках построения своей модели.* Такого рода синергия между данными, касающимися экономической активности, и данными, касающимися потребления, поведения и ценностных предпочтений общества и человека, является совершенно новым и уникальным активом цифровой экономики.

Если посмотреть, как мир и страны реагируют на эту новую реальность и актив цифровых гигантов, то мы увидим, что это реакция, прежде всего, защиты. Слушания в Конгрессе США и Стратегия в области данных Европейского союза 2020 г. – попытки государства и наднациональной бюрократии выработать какие-то защитные механизмы интеракции с новыми центрами знания, влияния и капитала. Эти центры могут проникнуть в экономическую и общественную жизнь настолько основательно и глубоко, что им позавидует самое эффективное государство.

Транснациональные цифровые корпорации, в отличие от государства, имеют ещё одну особенность, которая даёт им несравнимые преимущества в отношении национальной и наднациональной бюрократии. Компании, контролирующие социальные сети, платформы, электронные и печатные СМИ, оказывают серьёзнейшее влияние на то, как голосуют люди и кого они выбирают. А владельцы этих компаний, обладающие огромной властью и влиянием, не избираются. Они не проходят через избирательный цикл, который сегодня просеивается сквозь «фильтр» транснациональных цифровых корпораций. *И влияние неизбираемых на избирающих и избираемых уникально для истории человечества.*

Фактическое включение цифровых корпораций в политику и политический процесс равно появлению совершенно нового, сильного и почти не ограниченного формализацией актора. Сложность работы с этим актором заключается в том, что в плане политического оформления он виртуален – непартийный, лишён

устоявшейся идеологии, не структурирован с точки зрения внутренней политической организации.

Всё вышеизложенное напрямую затрагивает корневой для любой страны вопрос – вопрос суверенитета.

Цифровой суверенитет

Само понятие «цифровой суверенитет» с учётом вышесказанного формируется под воздействием интересов на трёх ключевых уровнях.

На первом уровне – интересы государства, которые существуют в условиях нарастающей конкуренции со стороны транснациональных цифровых компаний. При этом нет универсальной модели реагирования государства на эту конкуренцию и нет универсальных моделей успеха в ней.

На втором уровне – интересы самих транснациональных компаний, которым выгодно сохранить открытое цифровое пространство для большего накопления своего главного актива в виде данных. На этом уровне есть существенный фактор, который нельзя не учитывать: *услуги транснациональных цифровых компаний по сути своей непрерывны*. Речь о том, что после поставок того или иного продукта компания получает непрерывную «концессию» на его обслуживание. Продукт требует постоянного обновления, развития, совершенствования. Это качественно отличает цифровой импорт от традиционного, в котором (можем вспомнить пример закупки американских станков в рамках индустриализации СССР в 1920–1930-х гг.) поставки были равны одноразовой передаче технологий и возможностей управления ими. В случае с цифровыми корпорациями такой практики и возможности нет. Она заменена системой «продукт как сервис», когда основная добавочная стоимость поставок формируется в системе их непрерывного обслуживания.

На третьем уровне – интересы пользователей, являющихся «клиентами» как государства, так и цифровых корпораций. Чем эффективнее становятся услуги цифровых компаний и корпораций, тем более оторван пользователь от государства и его услуг. Вместе с тем на уровне потребителя и пользователя существенным остаётся вопрос защиты персональных данных. Нельзя сказать, что осознание важности защиты персональных данных носит массовый характер, но это не умаляет значимости данного фактора. И, как ни странно, *но основным «адвокатом» защиты персональных данных пользователей выступают именно государства*, которые, в отличие от транснациональных цифровых корпораций, не заинтересованы в их бесконтрольном перетоке на платформы третьих стран или частных корпораций.

Эти три уровня глубоко связаны и во многом друг друга дополняют. Однако лишь у государства есть жизненная необходимость сохранения и защиты важнейшего атрибута: суверенитета. У корпораций и общества такой необходимости, тем более

закреплённой значительной нормативно-правовой базой, нет. В свете этого «цифровой суверенитет» – категория, относящаяся только к государству. И поэтому только государство в своём взаимодействии с цифровой реальностью может ставить перед собой цель – защитить себя как институт и суверенную единицу, а не исходить из ценности получения максимального дохода (как в случае с корпорациями) или получения наибольшего количества услуг по наименьшей цене (как в случае с пользователем/потребителем).

На наших глазах происходит перераспределение функций, связанных с формированием нового хозяйственного уклада, отказ от старых признаков суверенитета в пользу новых.

И если государство не успевает реализовывать новые функции по наведению порядка, управлению новыми общественными отношениями, по регулированию использования баз данных в интересах общества, то это место занимают транснациональные цифровые компании.

Таким образом, цифровой суверенитет – самостоятельность государства в управлении цифровой трансформацией и формировании новой экосистемы, которая исключает возможность внешнего воздействия на его функционирование и устойчивость.

ЕАЭС и цифровой суверенитет

Рассмотрение пространства ЕАЭС с точки зрения цифрового суверенитета – достаточно трудная задача. В мире нет индекса цифрового суверенитета, который с использованием тех или иных индикативных показателей может вывести уровень суверенности страны или группы стран.

Согласно двум самым известным рейтингам – Индексу развития электронного правительства ООН и Индексу развития информационно-коммуникационных технологий Международного союза электросвязи, страны ЕАЭС – прежде всего, Россия и Казахстан – занимают высокие позиции по развитию информационно-коммуникационных технологий и сервисов. Речь идёт в первую очередь о развитии инфраструктур и услуг электронного правительства.

По международным рейтингам, в ЕАЭС всё выглядит достаточно позитивно. Однако насколько данные показатели говорят о наличии у стран высокого уровня цифрового суверенитета? Чтобы разобраться, надо ответить на несколько вопросов.

Первый. Какая доля цифровых услуг, внедрённых в странах, является продуктом разработок самих стран? То есть в какой степени страны сами создали компетенции для разработки и внедрения собственных цифровых решений и инструментов?

Второй. Какая часть национальных *цифровых инфраструктур* создана собственными силами с применением национальных технологических решений? Или же – какую роль играет импорт в рамках создания национальной цифровой инфраструктуры? Вопрос особенно важен, потому что напрямую коррелирует с фактором, о котором мы писали в предыдущей части: непрерывность услуг цифровых корпораций после поставок продукта. Развитие инфраструктур без их наполнения собственными решениями и продуктами не что иное, как создание за счёт государства возможностей для проникновения решений и продуктов третьей стороны. Если описать это явление образно: государство без флота за свой счёт строит порт для чужих кораблей.

Третий. Насколько автономны национальные сегменты, обеспечивающие хранение данных? То есть, остаётся ли хранение, обработка и дальнейшая передача данных в рамках национальных решений, разработок и инфраструктур? Данный вопрос особенно актуален сегодня, когда всё больше и больше баз данных переходят на уровень облачного хранения и обработки.

Так или иначе – все вопросы касаются главного: *насколько наши страны самодостаточны, суверенны в плане выработки решений и технологий?* Ответа не найти ни в одном рейтинге или индексе, однако достаточно посмотреть на уровень проникновения транснациональных цифровых компаний на наши рынки, чтобы понять: мы остаёмся пространством сбыта их продуктов и решений. Причём их проникновение также говорит о непрерывности их услуг: за период кризиса и экономических трудностей последних лет, которые испытывали наши страны, многие иностранные компании ушли с рынка ЕАЭС. Производители одежды, оборудования, автомобилей и иной техники – теряли спрос из-за падения покупательной способности населения и снижения экономической активности. Но в тот же период *ни одна крупная цифровая корпорация не сократила присутствие на наших рынках, а наоборот – расширила.*

Значительная часть инфраструктуры, на которой строятся цифровые решения и базы, – импортная, от крупнейших производителей. Многие пакетные решения по электронному правительству разработаны и внедрены международными цифровыми компаниями. Если мы посмотрим на наше место в рейтингах с этой стороны, то поймём, что это во многом рейтинг не цифровизации, а успешности и полномасштабности использования у нас чужих технологий и решений.

Общая цифровая повестка ЕАЭС

В ЕАЭС мы стремимся к общей повестке, в основе которой лежат общие разработки и решения.

Согласно цифровой повестке ЕАЭС до 2025 г., приоритетные направления таковы:

- цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация;
- цифровая трансформация процессов управления и интеграционных процессов;
- цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
- развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищённости цифровых процессов.

Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС разработаны и приняты с учётом определённых факторов, самым существенным из которых является следующий: совместная реализация цифровой трансформации значительно повышает конкурентоспособность как Союза, так и государств-членов. *ЕАЭС даёт исключительные возможности реализации и масштабирования цифровых инициатив в рамках логики и правил внутреннего рынка*, – то есть изначально заданы благоприятные условия для накопления внутреннего потенциала и освоения достаточно большого внутреннего рынка. Вместе с тем документ не стал барьером для реализации национальных цифровых повесток, наоборот, он должен был поддерживать их в рамках логики интеграции национальных компетенций.

Что касается национальных цифровых повесток и стратегий, то по содержанию и направленности они разные. В одних странах (например, в России и Казахстане) сделан упор на полноценную цифровизацию всех отраслей экономики с активным использованием регуляторных инструментов для создания благоприятных условий. В других (Армения и Киргизия) в качестве центральной линии развития, согласно принятым и обсуждаемым стратегиям, предлагается встраивание в более глобальные и успешные повестки – Европейского союза или стран Азии. В Белоруссии в качестве центральной стратегической линии можно выделить развитие инфраструктурных компонентов и подготовку кадров.

В том, что национальные цифровые повестки существенно разнятся по своему характеру, языку, целеполаганию и категориальному аппарату, не стоит видеть злого умысла, тем более что цифровизация – национальное полномочие, а основные направления цифровой повестки ЕАЭС де-факто – часть национальной повестки, выведенной на союзный уровень. В то же время мы не можем не учитывать, что *часть национальных стратегий цифровизации внедрена уже после принятия Основных направлений цифровой повестки ЕАЭС*, и хотя бы ради взаимосвязанности они могли бы учитывать общую повестку. Есть разные объяснения того, почему этого не произошло. Наша гипотеза заключается в следующем: при разработке национальных стратегий большая часть государств Союза пользовалась разными рекомендациями и разработками международных центров компетенций по цифровизации: одни – Всемирного банка, другие – Европейского банка реконструкции и развития, Азиатского банка, МВФ, проекта *Digital Casa* и других. Разберём по пунктам.

Во-первых, есть объективная реальность, которая позволяет сказать: у нас было недостаточно опыта и компетенций, чтобы стать центром выработки своих стратегий и разработок. **Во-вторых**, международные игроки раньше нас осознали важность и перспективность цифровизации и включились в цифровую гонку – в том числе по разработке стратегий. **В-третьих**, за стратегиями и программами всегда должны следовать развитие и реализация. В ЕАЭС подобных институтов для цифровизации не было. **В-четвёртых**, в ЕАЭС по части цифровой повестки (но не только) требуется гармонизация законодательства, осуществление согласованных политик со стороны государств. Ввиду этого трудно провести чёткое разграничение между национальными и наднациональными повестками и компетенциями. **В-пятых**, мы пока ещё психологически не оторвались от понимания нашей интеграции как модели «восстановления связей», утраченных с распадом СССР. И развитие «цифровой экономики ЕАЭС» психологически принимается непросто: в прошлом не было цифровых связей, они не утрачены и поэтому нечего восстанавливать. Это один из главных барьеров, мешающих идти по пути развития общих цифровых проектов и инициатив.

Все пять перечисленных факторов оказывают влияние на цифровую ситуацию в ЕАЭС, но есть и положительные изменения. К примеру, за последние годы накопился большой опыт реализации национальных цифровых повесток. Две страны Союза – Россия и Казахстан – вырвались вперёд по формированию национальных компетенций. Белоруссия стала важным участником международных разработок информационно-коммуникационных продуктов. Также мы осознали, что должны составить конкуренцию мировым игрокам хотя бы на нашем внутреннем рынке, поскольку это вопрос суверенитета. Данный фактор чётко прослеживается в повестках России и Казахстана, где цифровизация выступает не просто в качестве *механизма развития* экономики, но и важнейшего *института её развития* и конкурентоспособности. Кроме того, появилась институциональная основа для реализации совместных цифровых проектов. Речь о Фонде цифровых инициатив Евразийского банка развития, который уже запустил первые цифровые проекты на пространстве ЕАЭС.

Все вышеозначенные изменения являются результатом накопления опыта, знаний и стратегий и могут стать для нас прорывными. Но для этого необходимо свести их в общую цифровую стратегию, в которой развитие трансграничных цифровых проектов должно стать важнейшим инструментом как интеграции, так и получения больших преимуществ на внутреннем, региональном и международном рынках.

Что надо делать

На мировую экономику, общество и культуру цифровые технологии оказывают огромное влияние. Иногда цифру сравнивают с нефтью, хотя последняя имела в основном отраслевое – экономическое – влияние. Но если согласиться с метафорой, что цифра – это новая нефть, стоит вспомнить ситуацию на мировом нефтяном рынке сразу после его зарождения. Что происходило в нефтяной сфере в

течение первых пятидесяти лет ее развития? Почти весь мировой рынок и месторождения были поглощены несколькими мировыми компаниями, известными как «семь сестёр». То же самое сейчас происходит на цифровом рынке. И перед нами стоит задача оставить за собой собственную «новую нефть» – не уступить её четырём или пяти новым «сёстрам».

Для этого требуются современные механизмы работы с новой нефтью. Тем более что государства, на территории которых сосредоточены активы «сестёр», могут пойти по пути установления регуляторного контроля над их деятельностью. Так в своё время произошло с нефтяными «сёстрами», которые после внедрения механизма регулирования их деятельности со стороны правительства США стали одним из заинтересованных проводников американских интересов в мире. Ведущие государства, на самом деле, уже стоят перед выбором: либо установить контроль над цифровыми корпорациями и использовать их для достижения своих стратегических целей, либо спровоцировать конкуренцию между ними. Первое или второе необходимо для сохранения суверенитета.

И мы должны быть готовы к тому, что в какой-то момент цифровые гиганты, которые получают беспрецедентный доступ к нашим системам и данным, начнут продвигать интересы третьей стороны, создав существенную угрозу нашему политическому суверенитету.

Тем самым *политический суверенитет без цифрового суверенитета обречён на провал.*

Сравнительные преимущества цифровой модели ЕАЭС возможно реализовать через управление трансформацией в трёх сферах – логистике, энергетике и социальных инфраструктурах. Вот ключевые вопросы, которые, на мой взгляд, мы должны решить.

Во-первых, нужна чёткая стратегия развития цифровой экономики ЕАЭС в рамках основных направлений, которые уже приняты. Стратегия, не просто аккумулирующая общее видение и шаги, а пронизанная актуальными задачами, которые стоят перед всеми государствами Союза. Эти задачи могут быть разными, интересы не всегда совпадающими, но с учётом взаимосвязанности наших экономик и потенциала дальнейшего роста взаимосвязанности общее должно брать верх над частным.

Во-вторых, необходимо структурировать общие интересы в сфере цифровизации в формате отдельных и самодостаточных дорожных карт по отраслям и направлениям. Энергетика, транспорт, логистика, промышленность, торговля, таможня, сельское хозяйство и так далее. Каждая дорожная карта будет представлять собой программу цифровизации отдельного сравнительного

преимущества наших стран и всего объединения. Такие направления, как энергетика и логистика, способны превратиться в локомотивы развития, опираясь на значительное преимущество, которым мы обладаем благодаря географическим и ресурсным потенциалам. Важнейшим направлением цифровизации должны стать социальные институты и инфраструктуры, которые напрямую связаны как с устойчивостью социальной и политической системы, так и с выполнением государствами основных функций по обеспечению эффективного управления процессами общественной трансформации.

В-третьих, на основе стратегии и дорожных карт необходимо разработать план глубокой и всеобъемлющей цифровизации с суверенным переходом на новый технологический уклад. Этот план, соединяющий стратегии и дорожные карты, по глубине влияния сравним с Государственным планом электрификации Советской России после Октябрьской революции 1917 года (ГОЭЛРО), некогда он обеспечил качественное изменение хозяйственного уклада Советского Союза. В отличие от ГОЭЛРО цифровая трансформация должна быть реализована в логике интеграционного объединения, где залог устойчивости – учёт и баланс интересов.

В-четвёртых, план цифровой трансформации должен быть осуществлён проектно. Прошли времена огромных строек и освоения непроходимых географических пространств. В новой цифровой реальности основным материальным продуктом является проект – вне зависимости от его масштаба. Реализация малых или больших проектов группой стран или двумя странами будет вносить лепту в создание экосистемы евразийской цифровой трансформации.

Достижение цифрового суверенитета – цель всех стран. Наше одновременное движение – гарантия, что каждая отдельно взятая страна получит больше шансов его достигнуть. По отдельности, вне совместных трансграничных проектов, мы обречены либо на цифровое поглощение крупными транснациональными игроками, либо на строительство заградительных линий с высокими транзакционными издержками. Для ЕАЭС цифровой суверенитет – двухуровневая задача, включающая в себя повышение цифрового суверенитета всех государств – членов Союза и достижение его суверенитета путём интеграции национальных потенциалов и компетенций.

Достичь желаемой цели можно, хотя и сложно. Речь не о технологических трудностях, которые преодолимы, а о психологических. Пора преодолеть восприятие цифровой повестки в парадигме старого понимания интеграции. Её следует рассматривать в новой реальности, где всё новое и совместное – шаг к процветанию и суверенитету. Современный патриотизм – в осуществлении цифрового технологического прорыва. Это наиважнейшая задача реализации суверенитета стран ЕАЭС, которая решается только через интеграцию.

**#ближнее зарубежье #границы #еаэс #постсоветские страны
#россия #сша #цифра #цифровизация**